

Юрий ГАВРИЛОВ,
Александр ШЕВЧЕНКО

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ МЕЖРЕЛИГИОЗНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА

(Окончание. Начало см. № 9 «Белой Вежи»)

3. Учение о позитивной доминанте и феномене «антисистемы» как методологическая база диалога.

В отличие от западной, отечественная социально-философская мысль в ряде случаев стремилась дать обоснование плодотворности для российской цивилизации именно такого вектора ее развития. В современных условиях, на наш взгляд, весьма актуально обращение к наследию выдающегося историка и этнолога **Льва Николаевича Гумилева** (1912-1992). При всей спорности и неоднозначности его этнологических и историософских построений, ряд выдвинутых им концептуальных положений в аспекте рассматриваемой проблемы следует признать методологически плодотворными. В их числе можно назвать концепции этнической комплиментарности, этнической доминанты и антисистемы (см. 27).

Понятие **комплиментарности** (от латинского complementum — дополнение) ученый использует для обозначения возникающей в процессе этногенеза подсознательной взаимной симпатии людей друг к другу, позволяющей им в процессе обще-

ния сформировать единый этнический стереотип поведения, как своеобразного «поведенческого языка», фиксирующего нормы внутриэтнических отношений, а по мере усложнения обретает характер **этнической традиции** — разветвленной иерархии поведенческих стандартов и правил, культурных канонов, политических и хозяйственных форм, религиозно-мировоззренческих установок и пр., передающихся из поколения в поколение. В своей книге «**Этногенез и биосфера Земли**» Л.Н. Гумилев писал о «*принципе комплиментарности, связанном с подсознательной взаимной симпатии особей... В становлении первичного коллектива, зародыша этноса, главную роль играет неосознанная тяга людей определенного склада друг к другу. Такая тяга есть всегда, но когда она усиливается, то для возникновения этнической традиции создается определенная предпосылка. А вслед за тем возникают социальные институты... Принцип комплиментарности фигурирует и на уровне этноса, причем весьма действенно. Здесь он именуется патриотизмом и находится в компетенции истории, ибо нельзя любить народ, не уважая его предков. Внутриэтническая комплиментарность, как правило, полезна для этноса, являясь мощной охранительной силой*» (37, с. 312-313).

Высшим же проявлением этнической комплиментарности, по мысли ученого, выступает этническая доминанта, поднимая ощущения неосознанной симпатии до уровня сознательного целеполагания. В общем виде, как считает ученый, дефиницией этнической доминанты можно обозначить *«явление или комплекс явлений (религиозный, идеологический, военный, бытовой и т.п.), который определяет переход исходного для процесса этногенеза этнокультурного многообразия в целеустремленное единообразие»* (37, с. 192). Вот почему роль этнической доминанты особенно велика как в исходной фазе этногенеза, так и особенно — на этапе суперэтнической интеграции разнородных элементов в единое целое. Хотя сам по себе религиозный фактор этногенеза Гумилев не считал решающим, поскольку *«история религии лишь отражает, как чуткий индикатор, глубинные процессы как социальной, так и этнической истории»* (37, с. 149), именно религия, приобретая характер этнической доминанты, становится своеобразным духовным стержнем этнической и особенно — суперэтнической интеграции. **В этом случае сама этническая традиция, формирующаяся на базе этнического стереотипа поведения, выступает как традиция этнорелигиозная. Этническая доминанта, по мнению Гумилева, не всегда имеет ярко выраженный религиозный характер, однако именно две крупнейшие мировые религии — христианство и ислам — явились доминантами на всех ступенях этнической иерархии для суперэтнических общностей, ставших ведущими субъектами российско-евразийской цивилизации — православно-христианской и мусульманской.**

При этом, как отмечает Гумилев, процессы возникновения и становления православно-христианского (византийского) и мусульманского суперэтносов (локальных цивилизаций) имеют много сходных черт. Так, в том и другом случаях решающая роль принадлежала религиозной доктрине как мощной доминанте и самого этногенеза, и последую-

щей этнической и суперэтнической интеграции. Исходной точкой этногенеза там и там стали первичные коллективы (консорции) единомышленников, объединившиеся на основе единоверческой комплиментарности, в рамках которых сформировался принципиально новый стереотип поведения (члены первых христианских общин, объединенные проповедью апостола Павла, последователи Мухаммеда, первыми воспринявшие его проповедь — мухаджиры и ансары). В течение нескольких последующих столетий под воздействием религиозной доктрины как этнической доминанты вышеназванные консорции возвысились до субэтнического, этнического, а затем и суперэтнического уровней, а уже в масштабах и православно-христианской (византийской), и мусульманской суперэтнических общностей следствием доминантной роли религиозной доктрины стало создание высокоразвитой оригинальной культуры, в свою очередь ставшей катализатором этногенетических процессов в других регионах мира — Северной Евразии, «черной» Африке, Юго-Восточной Азии: *«С V по X в. в православие были обращены болгары, сербы, венгры, чехи, русские и аланы, и тогда создалась суперэтническая культурная целостность православного мира, сломленная в XIII в. «франками» (крестоносцами — авт.), «турками» и монголами. В XIV в. православная традиция воскресла в связи с возникновением великорусского народа. Но считать Московскую Русь культурной периферией Византии нельзя, ибо местные традиции сделали из Руси самостоятельную целостность»* (37, с. 148-149). При этом, по словам ученого, *«Византия — культура, неповторимая и многообразная, выплеснувшая далеко за государственные границы константинопольской империи. Брызги ее золотого сияния застывали на зеленых равнинах Ирландии (Иоанн Скотт Эригена), в дремучих лесах Заволжья (Нил Сорский и нестяжатели), в тропических нагорьях вокруг озера Цана (Аксум) и в Великой Евразийской степи...»* (38, с. 41-42).

То же, как отмечает Гумилев, можно наблюдать и в мусульманском мире, где «доминантой всего процесса образования арабского этноса (а в суперэтническом смысле — всей мусульманской культуры) явился, все-таки, зачатый Мухаммедом ислам... Ислам как символ стал объектом фанатического самоутверждения и способом введения единообразия. Обычное при бурном наступлении новой религиозной системы появление (в качестве своего рода неизбежных антитез) различных ересей и модификаций религиозно-идеологического содержания лишь стимулировало бурность протекания

тысячу лет пережившая подъем этноса, ее породившего, существует и поныне» (37, с. 153-154).

Подводя итог, можно выделить в гумилевском анализе главное: при всех своих различиях и доктринально-догматической несовместимости религиозных систем, общая их сущностная черта — глубоко позитивный духовный потенциал, определяющий их способность быть доминантой развитых цивилизационных общностей и их способности к оригинальному культурно-историческому творчеству.

**Стратегия, предназначенная для достижения
вполне конкретных политико-идеологических
целей посредством конструирования
в нужном направлении массового сознания
и последующего управления социальными
процессами, многократно опробована в Западной
Европе и США еще в 60-70-е годы XX века.**

основного процесса. Далее, как в пределах собственно арабского этноса, так и суперэтнической культуры развилась многообразная интеллектуальная жизнь, приведшая к расцвету науки, искусства, своеобразных форм быта. Описанный процесс служит примером формирования суперэтноса, внешне характеризующегося религиозно-идеологической доминантой. Такие целостности давно известны в науке: иногда их называют «культурными типами», иногда цивилизациями» (37, с. 152-153). Здесь также на основе религиозной доминанты происходило расширение культурно-цивилизационного ареала: «Среднеазиатские турки, суданские негры и дикие курды, входя в структуру распадающегося Халифата, усваивали принятые там нравы, обычаи, воззрения и т.п., становясь продолжателями дела общины, созданной Мухаммедом. Именно эти народы остановили натиск крестоносцев. При всем этом оставалась культура..., а очарование этой культуры охватывало все новые области в Африке, Индии, на Малаккском архипелаге и в Китае. Там эта культура, на

Диаметрально противоположный характер имеют культурно-идеологические феномены и возникающие на их основе человеческие общности, для обозначения которых Гумилев ввел понятие **антисистемы**. Сам ученый не дал четкой формулировки данной дефиниции, отмечая, что антисистемный характер данного того или иного феномена ощущается, выявляется скорее не на рационально-логическом, а эмоционально-интуитивном уровне. Общая же характеристика антисистемы — негативное мироощущение, характерными чертами которого являются отрицание существующего мироустройства и стремление к резкому его упрощению. В социально-исторической практике подобное негативное мироощущение предстает в виде разнообразных идеологических доктрин, как правило, не имеющих между собой ничего общего, кроме наличия негативной доминанты. Последняя проявляет себя либо в стремлении радикально изменить мир во имя тех или иных абстрактных целей, что на

деле приводит лишь к его разрушению, либо в требовании к человеческому индивиду вырваться из оков реальности в некий виртуальный мир, разрушив собственную личность. Идеология антисистемы всегда противопоставляет себя любой этнической традиции, под которой понимается иерархия стереотипов и правил поведения, культурных канонов, политических и хозяйственных форм, а не только мировоззренческих установок, характерных для каждого конкретного этноса и передаваемых из поколения в поколение. Поскольку же этническая традиция определяет своеобразие каждого этноса и его место в ряду других народов, то следовательно, антисистема всегда стремится к моральному уничтожению этноса, из числа представителей которого она инкорпорирует своих новых членов.

Как отмечал в связи с этим единомышленник и последователь Гумилева историк и культуролог **Владимир Леонидович Махнач** (1948-2009), во всех случаях антисистемы стремятся «сменить мироощущение на обратное, сменить знак стереотипа поведения данного этноса или его части, субэтноса, социальной страты... Антисистемы отличаются негативным мировосприятием и, как следствие этого, стремятся к разрушению мироздания» (40, с. 53). Таким образом, пафос антисистемы — самоубийство». Конечным же результатом этого, по мнению Гумилева, становится самоуничтожение антисистемной общности, а вместе с ней — и той этнической системы, в пределах которой она возникла: «Антисистема подобна популяции бактерий или инфузорий в организме: распространяясь по внутренним органам человека или животного, бациллы приводят его к смерти... и умирают в его остывающем теле» (37, с. 643). Действительно, подобное антисистемное мироотрицание, утвердившееся в пределах той или иной этнической системы, довольно быстро обращает ее реальный энергетический потенциал в виртуальный, унося его в бездну, а с его исчезновением и сама этническая система скоро обращается в небытие. Здесь, как считает Гумилев, и состоит основное

различие между естественными позитивными этническими системами и антисистемами: «Позитивные этнические системы возникают за счет толчка (мутации) или генетического дрейфа и существуют, черпая силы из природы своего региона. Антисистемы этносов не образуют, богатствами природы пренебрегают и гнездятся в телах этносов, как раковые опухоли в живых организмах. Пассионарность их всегда высока, но черпают они ее из перепадов пассионарного напряжения, вследствие чего они возникают на границах этносов и суперэтносов. Разнообразие этносферы, т.е. ее лучшее украшение, используется антисистемами для аннигиляции культуры и природы. Традиции их передаются вне семей, от учителей к ученикам. Это значит, что место сигнальной наследственности, роднящей человека с другими млекопитающими, здесь занимает обучение, немислимое без записанного текста. А разница между традициями «живыми», усваиваемыми при детском воспитании, и традициями «сделанными», т.е. книжными, такая же, как между организмами и вещами... Но антисистема не вещь. Она вытягивает пассионарность из вместившего ее этноса, как вурдалак. Это для нее не составляет труда потому, что цель ее — не созидание, т.е. усложнение системы, а упрощение, или перевод живого вещества в косное, косного — путем лишения его формы — в аморфное, а это последнее легко поддается аннигиляции, являющейся целью поборников антисистемы. Поэтому антисистемы существуют очень долго, меняя свои вместилища — обреченные этносы. Иногда они возникают заново там, где два-три этнических стереотипа накладываются друг на друга. А если им приходится при этом сменить символ веры и догмат вероисповедания — не беда. Принцип стремления к уничтожению остается, а это главное» (38, с. 232-233).

Таким образом, как считает ученый, антисистемы не являются закономерным явлением развития этносферы; это, скорее, ее патология, лежащая в «полосе свободы» человеческой воли, сознательно совершающей выбор между двумя взаимоисключающими линиями поведения,

которые на обыденном уровне именуют добром и злом, четко отделяя одно от другого: «Потому что добро и зло — это не зеркальные отражения друг друга, а совершенно разные стихии. И тут уместна система отсчета, по которой вакуум противостоит субстанции, а, по терминологии древних, «бездна» — «тварному миру» (37, с. 643), т.е. критерием разделения здесь будет отношение представителей данной человеческой популяции к окружающей среде — природной и социальной. И здесь, как считает Гумилев, возможны лишь две взаимоисключающие позиции: «Первая позиция: материальный мир ужасен и не имеет права на существование, так как все живое предназначено к смерти, которая есть уничтожение. Вторая позиция: мир прекрасен, а смерть, постоянно сопутствующая жизни, просто выход из сложных, часто непереносимых ситуаций» (3, с. 644).

Как отмечает ученый, эти два диаметрально противоположных отношения к окружающему миру прослеживаются на протяжении всей письменно зафиксированной истории человечества. Так, в 1 тысячелетии н.э. первая концептуальная позиция была представлена религиозными системами христианства, ислама, иудаизма, индуизма (веданта), конфуцианства, даосизма, а также язычества народов Евразии — тюрков, славян и угрофиннов. Причем в процессе этногенеза все эти, далеко не сходные религиозные учения сыграли глубоко позитивную роль доминанты формирования мощных суперэтнических систем, на базе которых сложилось самобытное многоцветие локальных цивилизаций.

Иное происхождение и последствия имели религиозно-философские доктрины противоположного характера: «Вторая концепция возникла не среди этносов, а на стыке их и распространялась по зонам этнических контактов. Начало ей положили античные гностики, а бытовала она в форме манихейства, маздакизма, исмаилизма в Персии, катаризма во Франции, богумильства в Болгарии и павликианства в Малой Азии. Логика этой концепции была

обаятельна, ибо подменяла туманную интуицию «знанием», разумеется сокровенным, но люди инстинктивно отвергали соблазн и вели себя одинаково в Китае и во Франции, в Арабском халифате и в Южной Сибири. А те народы или общины, которые принимали это увлекательное учение, быстро теряли его адептов, а заодно и свою славу, культуру и независимость. Однако мироотрицание вспыхивало в другом месте с новой силой, снова проповедовало «религию света» и опять оставляло за собой трупы и объятые тьмой пепелище. Что ж, с их точки зрения, результат был желательным — через смерть страдания живых существ были прекращены...» (39, с. 232-233). Такой итог, по мнению ученого, можно считать вполне закономерным: манихейство, маздакизм, исмаилизм, богумильство и другие аналогичные антисистемные идеологии по своему генезису и догматике весьма мало походили друг на друга, однако «есть одна черта роднящая эти системы, — жизнеотрицание, выражающееся в том, что истина и ложь не противопоставляются, а приравниваются друг к другу. Из этого вырастает программа человекоубийства, ибо раз не существует реальной жизни, которая рассматривается либо как иллюзия (тантризм), либо как мираж в зеркальном отражении (исмаилизм), либо как творение сатаны (манихейство), то некого жалеть — ведь объекта жалости нет; и незачем жалеть — Бога не признают, значит, не перед кем держать отчет, и нельзя жалеть, потому что это значит продлевать мнимые, но болезненные страдания существа, которое на самом деле прозрачно. А если так, то при отсутствии объекта ложь равна истине» (37, с. 656).

Причем, как отмечает ученый, при всей своей явной иллюзорности и фантазмагоричности, антисистемные доктрины зачастую оказывались привлекательными для многих самых разных людей: «Ведь, войдя в мир фантазмагорий и заклинаний, люди становились хозяевами этого мира или, что точнее, были искренне в этом убеждены. А то, что им ради этого ощущения свободы и власти над окружа-

ющими надо было плюнуть на крест, как тамплиерам, или разбить на части метеорит Каабы, как карматам, или, убив мудрого визиря, обескровить страну, их противившую (исмаилиты), то это их совершенно не смущало. Правда, встав на этот путь, они отнюдь не обретали личной свободы. Наоборот, они теряли даже ту, которую они имели, находясь в той или иной позитивной системе. Там закон и обычаи гарантировали им некоторые права, соразмерные с несомыми обязанностями. А здесь у них никаких прав не было. Строгая дисциплина подчиняла их невидимому вождю, старцу, учителю, но зато он давал им возможность приносить максимальный вред ближним. А это было так приятно, так радостно, что можно было и собственной жизнью пожертвовать» (39, с. 234).

К антисистемным феноменам Гумилев относит, как мы видим, широкий круг явлений от позднеантичных гностицизма и манихейства до религиозно-философского учения толстовства и философских построений западноевропейского экзистенциализма. При этом, по его мнению, ни декларативный гуманистический пафос такого рода идей, ни субъективные благие намерения их творцов никого не должен вводить в заблуждение: «Если мы примем за положительное начало утверждение биосферы с ее закономерностями, в число коих входит убийство живых существ, то обратная позиция будет отрицательной, хотя она и была связана с проповедью непротивления злу. Л.Н. Толстой в «Крейцеровой сонате» вполне последовательно указал, что поскольку человеческому роду для продолжения существования убивать необходимо, то лучше бы ему прекратиться» (37, с. 652). Вообще же, как считает ученый, антисистемный характер носят любые идеологические построения, «которые ведут к спасению индивида от тягот мира за счет отказа от горя и радости, заботы о близких и далеких, любви к истине и отрицания лжи» (37, с. 654). При этом антисистемы могут использовать в своих целях любую идеологию, однако обычно они либо перерабатывают под свои нужды философские концеп-

ции, близкие им по духу или содержащие продуктивные с их точки зрения положения, либо вырабатывают свои собственные учения, в которых конкретизируется в том или ином виде общее социально негативное отношение к окружающему миру. Причем с точки зрения философии они могут быть как идеалистическими, так и материалистическими, ибо не это для них главное. Главное — это стремление к идейному обоснованию необходимости уничтожения мира в его многообразии.

Генезис этих вероучений и философских школ может быть самым разнообразным, но не это существенно. Как писал в связи с этим Гумилев, по догматике, эсхатологии и экзегетике эти философские основы антисистем не имеют ничего общего. Единственная роднящая эти системы черта, позволяющая нам относить их к классу антисистем — «жизнеотрицание, выражающееся в том, что истина и ложь не противопоставляются, а приравниваются друг к другу. Из этого вырастает программа человекоубийства, ибо раз не существует реальной жизни, которая рассматривается либо как иллюзия (тантризм), либо как мираж в зеркальном отражении (исмаилизм), либо как творение сатаны (манихейство), то некого жалеть — ведь объекта жалости нет; и незачем жалеть, потому что это значит продлевать мнимые, но болезненные страдания существа, которое на самом деле призрачно. А если так, то при отсутствии объекта ложь равна истине и можно в своих целях использовать ту и другую» (37, с. 656). Отсюда еще одна характерная черта антисистем, Гумилев характеризовал «ложь как принцип»: антисистемы всегда характеризуются разрешенностью и даже праведностью лжи для своих адептов. В связи с этим антисистемы, особенно в своей социально структурированной части, являют собой структуры с множеством степеней посвящения, в которых на каждой новой ступени посвящаемому открывается некая новая «истина», иногда полярно исключая «истину» предыдущую. Причем в силу разрешенности лжи адепты антисистемы охотно

используют любые привлекательные стереотипы систем, на которых паразитируют. Отсюда исходит вывод о невозможности полемики с антисистемой, поскольку любой выдвинутый против нее аргумент будет тут же присвоен и предложен уже в качестве аргумента антисистемы (см. 40, с. 53-55).

В своих философских основах антисистемы всегда глубоко атеистичны, вне зависимости от того, декларируют они этот принцип открыто или нет. Даже там, где формально антисистема религиозна, на деле оказывается, что догматы религии, якобы ею исповедуемой, откровенно попираются ее членами. Или же идеи религии так искажаются антисистемой,

ных положений неизбежно приводит к признанию относительности самих понятий добра и зла, которые фактически уравниваются, вследствие чего исключается само понятие греха. Одновременно допустимость лжи открывает широкие возможности мимикрии, позволяя маскировать сектантскую квазирелигиозность под вывеской вполне безобидных научных, культурно-просветительских, медицинских, спортивно-оздоровительных и прочих «объединений по интересам».

Среди исследователей, аналитиков и публицистов категория антисистемы получила разнообразные трактовки. При-

Позитивное мировоззрение (вне зависимости от конкретной религиозной принадлежности) и было присуще абсолютному большинству народов Северной Евразии в прошлом и настоящем — от скифов, хуннов, древних тюрков и славян до великороссов и белорусов, татар и башкир, формируя многие общие черты их этнического стереотипа поведения, что, в свою очередь, и стало мощной предпосылкой возникновения единого евразийского суперэтноса.

принявшей обличие секты или ордена, что перестают восприниматься окружающими как религиозное учение. Обычно сектантские вероучения носят синкретический характер, являя собой смешение положений, заимствованных из принципиально несовместимых на доктринальном уровне мировоззренческих систем (например, христианства и восточной мистики). Подобного синкретизма невозможно достичь без насилия над религиозными системами, т.е. постулируемая новая мировоззренческая целостность достигается ценой лжи. Отсюда проистекает и такая характерная черта антисистем, в том числе квазирелигиозного характера, как их воинствующий аморализм: относительность и подвижность доктриналь-

чем даже те из них, кто не считает данную дефиницию вполне научной ввиду отсутствия четкой и однозначной формулировки, признают ее методологическую важность и эвристическую ценность. В ряде случаев к данной категории относят любые, нередко чисто светские идеологии, возникавшие в пределах различных локальных цивилизаций-суперэтносов и направленные на радикальное отрицание устоев этих цивилизаций (позитивных доминант и основанных на них стереотипов поведения). Прежняя система ценностей в данном случае меняется на зеркально-обратную, которая ввиду этого становится доступной для массового восприятия и способной овладеть умами множества людей, стремящихся переделать мир к

лучшему. В результате такого рода идеологии нередко получали массовую поддержку, что в итоге всегда приводило принявшие их народы к национальным и государственным катастрофам. В этом плане нет, например, принципиальной разницы между манихейством с его ответвлениями и тоталитарными утопиями XX-XXI веков, в том числе — современным либеральным глобализмом («тоталитарной демократией»). Таким образом, в настоящее время феномен антисистемы становится гораздо более разнообразным, приобретая множество качественно новых характеристик и в ряде случаев меняя свою направленность.

Как отмечал в связи с этим **Владимир Махнач** — *«Нам представляется, что антисистемы, по преимуществу обращенные ко злу, к небытию, негативно воспринимающие мир, человека в этом мире, антисистемы, стремящиеся освободить от оков мира своих адептов, более характерны для Древности и Средневековья. Антисистемные явления в Новое время проявляются иначе. Во-первых, антисистемы Нового времени, по крайней мере за пределами узкого круга высших посвященных, негативно ориентированы не на мироздание, а на творение человека, на культуру. Конкретную религиозную систему и порожденную ею великую культуру. Конкретную нацию и созданный ею национальный культурный вариант. Конкретное государство как порождение национальной культуры»* (40, с. 62-63). При этом, в отличие от более ранних исторических периодов, производство антисистемных феноменов поставлено на коммерческую основу, а их внедрение в массовое сознание и социальную практику осуществляется целенаправленно. В данном плане можно считать весьма плодотворными аналитические выкладки об усилении антисистемных составляющих формирующегося в условиях экспансии западно-либеральной демократии глобального миропорядка. По мнению аналитиков, силы «мировой закулисы», претендующие на статус некоего конфиденциального «всемирного правительства» («Бильдербергский клуб», «Группа Мор-

гентау», «Комитет 300» и др.), в настоящее время в целях установления своего глобального господства весьма целенаправленно ведут линию по насаждению в западном мире антисистемных идеологем, ценностных образцов и поведенческих стереотипов.

Такая политика наряду с мерами по деиндустриализации и свертыванию научно-технического развития (поддержка в нужном направлении движения «зеленых», утверждение соответствующих образовательных стандартов) включает также разрушение традиционных религий посредством внедрения квазирелигиозных культов «Нью Эйдж» вплоть до сатанинских сект, полную ликвидацию национального самосознания и достоинства посредством дискредитации патриотизма, насаждение агрессивной масскультуры с ее культом «звезд», вытесняющей традиционные национальные культурные традиции, легализацию наркотиков, разрушение традиционной семьи и сокращение рождаемости с помощью внедрения «ювенальных технологий», программ «планирования семьи», «секспросвета», порноиндустрии и «гей-культуры» вплоть до официального признания однополых браков и усыновления детей гомосексуальными парами и пр. (41). В последние годы на всем постсоветском пространстве как раз и можно наблюдать своего рода «антисистемный взрыв» — умело скоординированную резкую эскалацию всех вышеперечисленных деструктивных явлений и тенденций в жизни российского общества.

Причем особая роль здесь отводится именно деструктивной квазирелигиозности, которая также нередко кардинально меняет свой характер. В частности, если ранее антисистемные квазирелигиозные структуры так или иначе постулировали свою связь с традиционными религиями (в ряде случаев они и формировались как сектантские ответвления последних — «маргинальный протестантизм», неоиндуизм, другие неоориентальные течения), то в настоящее время антисистемная квазирелигиозность зачастую

даже внешне не имеет ничего общего с традиционными верованиями. Впрочем, здесь напрашивается аналогия с культовой практикой более ранних исторических периодов. Подобные явления в течение всего XX века можно было наблюдать в политико-идеологической сфере — культ обожествленных вождей (живых или умерших) и связанные с ним соответствующие ритуализованные действия, неисполнение которых строго карается. В настоящее время деструктивная квазирелигиозность вообще зачастую становится весьма причудливой — например, так называемые «коммерческие культы» (гербайф) квазирелигиозные феномены сферы шоу-бизнеса (культ «эстрадных звезд») или ритуализация девиантных поведенческих ориентаций, зачастую носящих откровенно асоциальный характер. К последним можно отнести, например, ритуализованное употребление наркотических веществ, гей-парады и пр. В частности, именно гей-сообщество в настоящее время в наибольшей мере демонстрирует устойчивые характеристики довольно агрессивной квазирелигиозной системы, стремящейся обратить в своих приверженцев как можно большее число людей посредством своего рода «маниифрибунады» — напористой гомосексуальной идеологии, призванной выключить из сознания молодых людей функциональность межполовых отношений, которые таким образом полностью обесмысливаются.

Отсюда — столь настойчивое стремление к проведению гей-парадов, приобретающих все черты культового действия. При этом гей-ориентация (как и другие аналогичные явления вроде «смены пола», педофилии и пр.) в настоящее время уже стала неотъемлемым атрибутом сферы шоу-бизнеса, как и коммерческой масскультуры в целом, в том числе уже упоминавшегося культа эстрадных звезд, которые в реальности оказываются грязными дегенератами. Последние все чаще своими манерами и поведением весьма настойчиво стараются подчеркнуть собственную «нетрадиционность». В связи с

этим справедливым будет утверждение, что современная масскультура активно инкорпорирует в свой состав деструктивные квазирелигиозные практики, которые становятся ее неотъемлемым атрибутом, причем сама масскультная сфера (шоу-индустрия и пр.) все более приобретает черты квазирелигиозной структуры. Оба антисистемных феномена фактически становятся единым целым.

Такая стратегия, предназначенная для достижения вполне конкретных политико-идеологических целей посредством конструирования в нужном направлении массового сознания и последующего управления социальными процессами, многократно опробована в Западной Европе и США еще в 60-70-е годы XX века. Наиболее характерный пример здесь — феномен знаменитой «ливерпульской четверки» «Битлз» (*The Beatles*), британской рок-группы, возникшей в 1960 году и просуществовавшей до 1970 года. Популярность четырех самодеятельных музыкантов с рабочей окраины Ливерпуля, изначально обладавших довольно скромными способностями и не имевших даже начатков музыкального образования, не только перешагнула границы их родного города, но и вышла далеко за пределы музыки, сделавшись фактором социальной и политической жизни. О том, что такая популярность не была спонтанной, а являлась составной частью глобального проекта по изменению массового сознания молодежи, рассказал в своей знаменитой книге «Комитет 300» ветеран британской внешней разведки **Джон Колеман**: *«Ярким примером обработки общества, чтобы оно приняло изменение, даже когда такое изменение признается нежелательным большой группой населения, было “явление” “БИТЛЗ”. Группу “Битлз” привезли в США как часть социального эксперимента, который должен был подвергнуть большие группы населения промывке мозгов, о которой они даже не догадывались... Феномен “Битлз” не был спонтанным молодежным бунтом против старой социальной системы. Наоборот, это был тщательно разработанный*

неуловимыми заговорщиками план ввода чрезвычайно разрушительного элемента в большую целевую группу населения, сознание которой планировалось изменить против ее воли. Вместе с “Битлз” в Америке были введены в оборот новые слова и выражения... Такие слова, как “рок” в отношении к музыкальным звукам, “тинэйджер” (“подросток”), “кул” (cool — “клевый”), discovered (“открытый”, “обнаруженный”) и “поп-музыка” были частью лексикона из кодовых слов, означающих принятие и употребление наркотиков. Эти слова пришли вместе с “Битлз” и появлялись везде, куда приезжали “Битлз”, причем “тинэйджеры” сразу их “обнаруживали”. Кстати, слово “тинэйджер” нигде не употреблялось до тех пор, пока на сцене не появились “Битлз”...», причем «эту задачу невозможно было решить без сотрудничества со средствами массовой информации, прежде всего с электронными СМИ... Никто не обратил бы внимания на **шутовскую группу из Ливерпуля** и на их двенадцати-атональную систему “музыки”, если бы пресса не подняла бы вокруг них настоящий ажиотаж. Двенадцати-атональная система состояла из тяжелых повторяющихся звуков, взятых из музыки жрецов культов Диониса и Ваала и подвергнутых “современной” обработке Адорно (Adorno), близким другом королевы Англии и, следовательно, Комитета 300» (42, с. 116-117).

Реальной же целью такого проекта по изменению сознания молодежи было искоренение базовых нравственных ценностей, понятий и культурных стереотипов, укорененных в христианстве, т.е. формирование «нового постхристианского сознания», о чем в 1963 году проболтался один из музыкантов группы Джон Леннон: «Христианство уйдёт. Оно исчезнет и усохнет. Не нужно спорить; я прав и будущее это докажет. Сейчас мы более популярны, чем Иисус; я не знаю, что исчезнет раньше — рок-н-ролл или христианство» (42, там же). Действительно, содержание многих композиций «Битлз», как и множества других аналогичных зарубежных и отечественных рок-групп, имело ярко выраженный антихристианский харак-

тер, на что указывал, в частности, один из исследователей проблемы известный церковный писатель **протоиерей Михаил Ходанов**: «Нечто подобное происходило в свое время в США, государствах Западной Европы и у северных соседей России — в скандинавских странах: через эстраду у молодежи воспитывали протест против буржуазной (т.е. христианской) морали, призывали к свободе от условностей, от косности, лжи старшего поколения, к уничтожению свода «отживших» ценностей — брака, семьи, «ханжеского» приличного поведения, иерархии социального соподчинения, влияния и авторитета христианской Церкви... Деструктивная музыка рока имеет в своей глубине оккультно-шаманские проявления мрачного люциферианского образа. С этим мы сталкиваемся в творчестве групп «Rolling Stones», «Black Sabbath», «AC/DC», «Led Zeppelin», «Venom», «Black Metal», «Slayer» и множества современных интернациональных групп-близнецов, в том числе и подражательных российских. Богохульство, культ-обожествление исполнителей, которых кощунственно называют «рок-иконами», антихристианская направленность, кичливость, гордыня, бунтарство, нигилизм, необузданность, сквернословие, расхлябанность, пропаганда наркотиков и алкоголя, убийства и самоубийства, оккультизма и садизма, «снятие сексуального напряжения и половой подавленности» — и, наконец, буйный сатанизм, — все это органические составляющие подлинного рока. А главное из них — провокация на насильственный секс, наркоманию и культ демонизма.... Рок, будь это так называемый «мягкий» или «тяжелый» наряду с их нынешними производными вариантами, — это всегда одна и та же по содержанию, хотя и многоуровневая по форме, ритмическая музыка для тела, для низменного душевного и эротического сексуального возбуждения. Воздействуя через ритм на моторику (двигательные процессы) и настроение, эта музыка (через аппаратуру, усиливающую звук до рева сверхзвукового истребителя — что приводит подчас к непоправимым дефектам слуха у публики и ее частично-зомбированию) вырабатывает в людях

коллективный гнев и агрессию, спонтанно выливающиеся в насилие. Порожденный роком комплекс насилия и разрушения усугубляют наркотики, которые «дарят» фанатам рока «расширенное сознание» и «способность получать удовольствие от тела в максимальной степени» — в новых, как грубых — варварских и жестоких, — так и утонченных формах. Кстати, в творчестве любимых многими (в том числе и некоторыми российскими христианами, особенно в возрасте 40–50 лет) «Beatles» можно найти почти все вышеперечисленные составляемые. Поэтому нашим доморожденным и неискушенным битломанам не следовало бы (хотя бы уже сейчас, в преполовлении лет) «отключаться» на волне сладостных мелодий и чувственных ритмов какого-нибудь «Imagine», который, кстати, снова стал песенным клипом глобалистов («Представь себе, что Рая нет / Станет намного легче, если ты это выяснишь... / Не существует никакой религии...») или психоделического (т.е. включающего в себя наркотические образы) диска «Sgt. Pepper», а стоило бы хоть немного поинтересоваться содержанием прослушиваемых песен. В том числе и кощунственной текстовой перманентного хита «Rasputin» в исполнении Вону М. Но для этого нужно было с детства иметь страх Божий, воспитываться в живой христианской традиции и, конечно, лучше учить английский в школе и в институте, а не прогуливать занятия» (43, с. 144–146).

Преградить путь антисистемным фантазиям, по мнению Гумилева и его единомышленников, может складывающееся на основе позитивной этнической доминанты традиционных религиозных систем то здоровое мировоззрение, суть которого, по мнению ученого, следующая: «Бог сотворил Землю, но дьявол — князь мира сего; на Земле дьявол сильнее Бога, но именно поэтому благородный рыцарь и монах-подвижник должны встать на защиту слабого и бороться с сильным врагом до последней капли крови. Ведь не в силе Бог, а в правде; и творение Его — Земля — прекрасно; а зло приходит извне, от врат Ада, и самое простое и достойное — загнать его обратно» (37, с. 671). Но именно такое позитивное

мировоззрение (вне зависимости от конкретной религиозной принадлежности) и было присуще абсолютному большинству народов Северной Евразии в прошлом и настоящем — от скифов, хуннов, древних тюрок и славян до великороссов и белорусов, татар и башкир, формируя многие общие черты их этнического стереотипа поведения, что, в свою очередь, и стало мощной предпосылкой возникновения единого евразийского суперэтнуса. Это, в частности, сделало возможным их союз и солидарность в процессе оригинального культурно-исторического творчества в пространстве российской цивилизации.

Этот принципиальный методологический вывод гумилевской историософии полностью опровергает и хантингтоновскую концепцию неизбежности «разлома» сложносоставных цивилизационных общностей (каковой и является историческая Россия) по религиозному признаку, одновременно открывая путь к творческой солидарности приверженцев традиционных религий как носителей позитивного мировоззрения и укорененных в нем духовно-нравственных ценностей в их совместном противостоянии «антисистемным» феноменам различного толка и преодолении провоцируемым ими деструктивных тенденций в социально-культурной и духовной сферах. Так, имеющий отчетливо «антисистемные» корни современный так называемый «либеральный стандарт», уже не одно десятилетие настойчиво навязываемый народам России, по существу исключает ключевое для этих религий понятие греха, рассматриваемого уже не как нарушение, а как некий вариант социально и нравственно приемлемой нормы, тогда как нетерпимость к нравственным порокам (например, в сфере отношений между полами) считается отсутствием «толерантности». В то же время взаимная солидарность приверженцев традиционных религий, отнюдь не предполагающая экуменическое «снятие» доктринально-догматических различий, как раз и предполагает их совместное противодействие социальной и нравственной безответственности.

Как отмечал в связи с этим уже упоминавшийся **Александр Панарин**, «различные мировые цивилизации выработали свои технологии очищения человеческого духа от скверны безответственности и нигилистического своеволия. Выработаны они и в православии, и в мусульманстве. Проблема, по-видимому, состоит в том, чтобы не отвергать, не дискредитировать этот великий духовный опыт, а попытаться

«конвертировать» его в современные формы социально-ответственного поведения» (44, с. 270). Именно **данный вектор межрелигиозного диалога** в обоих его аспектах (доктринальном и цивилизационном) и призван стать магистральным в плане выстраивания альтернативных проектов мироустройства, предлагаемых незападными цивилизациями, включая российско-евразийскую. ■

ЛИТЕРАТУРА

1. Российская цивилизация. Этнокультурные и духовные аспекты. К 70-летию профессора М.П. Мчедлова. М., 1998.
2. Мчедлов М.П. Религиоведческие очерки. Религия в духовной и общественно-политической жизни. М.: Научная книга, 2005.
3. О социальной концепции русского православия. М.: республика, 2002.
4. Толерантность. М.: Республика, 2004.
5. Шевченко А.Г. Ислам и христианство. Исторический опыт и перспективы сотрудничества. М.: Наука, 2004.
6. Россия в современном диалоге цивилизаций. М.: Культурная революция, 2008.
7. Вера. Этнос. Нация. Религиозный компонент этнического сознания. Изд. 2-е. М.: Культурная революция, 2009.
8. Ильин И.А. Аксиомы религиозного опыта. М.: Рарог, 1993.
9. Малашенко А.В. Исламское возрождение в современной России. М.: Московский Центр Карнеги, 1998.
10. Шмеман А., протопресвитер. Церковь, миссия, мир. Мысли о православии на Западе. М., 1996.
11. Логинов А.В. Власть и вера. Государственные и религиозные институты в истории и современности. М.: Большая Российская Энциклопедия, 2005.
12. Кураев А., диакон. Все ли равно, как верить? Сборник статей по сравнительному богословию. М., 1994.
13. Иустин (Попович), преподобный. Православная Церковь и экуменизм. М.: Паломник, 2006. 13
14. Карсавин Л.П. Католичество. Томск, 1997.
15. Тайна Израиля. «Еврейский вопрос» в русской религиозной мысли конца XX – первой половины XX в.в. Спб.: София, 1993.
16. Лесков Н.С. Повести и рассказы. М.: Московский рабочий, 1981.
17. Чехов А.П. Собрание сочинений. В 8 томах. М.: Изд-во «Правда», 1970.
18. Солженицын А. Окунаясь в Чехова. Из «Литературной коллекции» \ Новьй мир, 1998, № 10.
19. Святитель Николай Сербский. Миссионерские письма. М.: Изд-во Московского подворья Троице-Сергиевой Лавры, 2007.
20. Гаврилов Ю.А., Шевченко А.Г. Взаимопроникновение культур: Коран в русской поэзии. М.: Наука, 2006.
21. Леонтьев К.Н. Избранное. М.: Рарог, Московский рабочий, 1993.
22. Воробьев В.К. К 100-летию со дня рождения протоиерея Всеволода Шпиллера \ Журнал Московской патриархии, 2002. № 7.
23. Диалог цивилизаций, Повестка дня. М., 2005.
24. Ерасов Б. С. Цивилизационная теория и евразийские исследования // Россия и Восток: геополитика и цивилизационные отношения / Цивилизации и культуры. Научный альманах. Выпуск 3. — М.: Изд-во Института востоковедения. 1996. С. 3 – 28.
25. Ерасов Б. С. Культура, религия и цивилизация на Востоке. (Очерк общей теории). — М.: Наука, 1990.
26. Классики геополитики. XX век. — М.: Изд-во АСТ, 2003.
27. Логинов А.В. Россия и Евразия. Евразийский вектор: поиски российской цивилизационной идентичности в XX столетии. М.: Большая Российская Энциклопедия, 2013.
28. Морозов Е. Сердцевина мира // Десятина. 2000. № 17-18.
29. Морозов Е. Мировая война ислама // Десятина. 2002. № 5.
30. Морозов Е. Ирак – стратегический партнер России // Десятина. 2002. № 10.
31. Морозов Е. Бацилла сепаратизма // Десятина. 2003, № 2.
32. Малашенко А. В. Исламские ориентиры Северного Кавказа / Московский Центр Карнеги. — М.: Гендальф, 2001.
33. Ислам на Северном Кавказе: история и современность. Прага: Medium Orient, 2011 33
34. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М.: АСТ, 2006.
35. Панарин А.С. Стратегическая нестабильность в XXI веке. М.: Алгоритм, 2003.
36. Двадцать пять лет исламской революции в Иране. — М.: Институт востоковедения РАН, 2005.
37. Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера Земли. — М.: Рольф, 2001.
38. Гумилев Л.Н. Поиски вымышленного царства. М.: АСТ, 2005.
39. Гумилев Л.Н. Древняя Русь и Великая степь. М.: Айрис-пресс, 2006.
40. Россия – последняя крепость. Книга 1. М.: Преображение, 2000.
41. Морозов Е.Ф. Загадка Афганистана // Москва, 2007, № 6. С. 128-134.
42. Колеман Дж. Комитет 300. Тайны мирового правительства. Пер. с английского. М.: Витязь, 2012.
43. Ходанов М. «Спасите наши души!...». Православная духовность и творчество русских поэтов XX века: Владимир Высоцкий, Игорь Тальков и другие. М., 2010
44. Панарин А.С. Реванш истории: Российская стратегическая инициатива в XXI веке. М., 2005.